

УДК 82:39

DOI: 10.28995/2658-5294-2019-2-4-155-169

Призрак формализма: полемика Проппа и Леви-Стросса как коммуникативная неудача

Марина А. Гистер

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, marina.guister@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена полемике В.Я. Проппа и К. Леви-Стросса о книге Проппа «Морфология сказки». Пропп видит в рецензии Леви-Стросса на свою книгу проявление агрессии. В настоящей статье рассматриваются лингвистические, идеологические и культурные причины конфликта между двумя учеными. Пропп читает статью Леви-Стросса в оригинале и при этом некорректно понимает некоторые французские выражения. Леви-Стросс говорит о формализме Проппа как о принадлежности к определенной научной школе, Пропп же воспринимает чисто методологическую аргументацию Леви-Стросса в идеологическом ключе, и она начинает казаться ему почти политическим доносом. Кроме того, оба ученых незнакомы с работами друг друга и имеют превратное представление о научных интересах друг друга. Виною тому научная изоляция, в которой в 1950-е годы живет советский филолог. В итоге в обычной рецензии, в меру полемической и вполне благожелательной, Пропп видит вызов на дуэль и выстраивает свою ответную статью как ответный выпад.

Ключевые слова: методология, формализм, фольклор, идеология, дуэль, полемика, коммуникативная неудача

Для цитирования: Гистер М.А. Призрак формализма: полемика Проппа и Леви-Стросса как коммуникативная неудача // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2019. № 4. С. 155–169. DOI: 10.28995/2658-5294-2019-2-4-155-169

The spectre of formalism: Polemics between Propp and Levi-Strauss as a communicative failure

Marina A. Guister

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, marina.guister@gmail.com*

Abstract. The article dwells on the polemics between V.Ya. Propp and Claude Levi-Strauss concerning Propp's book "Morphology of the Folktale." Propp sees the review of his book by Levi-Strauss as a manifestation of aggression. This article discusses the linguistic, ideological and cultural causes of the conflict between the two scholars. While reading the original text of Levi-Strauss's article, Propp misunderstands some French expressions. Levi-Strauss speaks of Propp's formalism as in belonging to a certain research school, while Propp perceives the purely methodological argument of Levi-Strauss in an ideological vein, and it begins to appear to him as bordering on a political denunciation. Besides, both scholars are unfamiliar with the rest of each other's works and have a misconception about each other's research interests. The reason for that was in the academic isolation in which the Soviet philologist lived in the 1950s. As a result, in a regular review which is reasonably polemical and rather benevolent, Propp sees a challenge to a duel and composes his response as a retaliatory attack.

Keywords: methodology, formalism, folklore, ideology, duel, controversy, communicative failure

For citation: Guister, M.A. (2019), "The spectre of formalism: Polemics between Propp and Levi-Strauss as a communicative failure", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 2, no. 4, pp. 155–169, DOI: 10.28995/2658-5294-2019-2-4-155-169

В 1928 г. в Ленинграде выходит в свет «Морфология сказки» В.Я. Проппа, созданная фактически в 1927 г. Пройдет полвека до первых переводов книги на иностранные языки, первый из которых, английский, появится в 1958 г., затем французский в 1965 г. и итальянский в 1966 г. В 1960 г. выходит, пожалуй, самая известная критическая статья, посвященная «Морфологии сказки» – «Структура и форма» ("La structure et la forme") Клода Леви-Стросса [Lévi-Strauss 1960]. Статья носит резко полемический характер, но разгромной ее никак нельзя назвать. Напротив, многие замечания Леви-Стросса потенциально задают новое направление для исследований сказочного сюжета, и вскоре начнут появляться работы

по структурному анализу волшебной сказки А.Ж. Греймаса [Греймас 2000, с. 153–170], Клода Бремона [Bremond 1964; Bremond 1966], Алана Дандеса [Dundes 1964]. Статья Е.М. Мелетинского, С.Ю. Неклюдова, Е.С. Новик и Д.М. Сегала «Проблемы структурного описания волшебной сказки» [Структура 2001, с. 9–121] суммирует сделанное в этой области и дает возможность синтеза разных методов структурного анализа сказки и, шире, повествовательного текста.

О полемике Проппа и Леви-Стросса написано много интересных работ, в частности статья С. Шишкова “The structure of Fairytales: Propp vs Levy-Stross” [Shishkoff 1976], а также работы А. Либермана [Liberman 1984], А. Дандеса [Dundes 1997] и Э. Уорнер [Уорнер 2005], которые мы цитируем ниже.

Почему же сам Пропп воспринимает статью Леви-Стросса не как часть сугубо научной полемики, даже не как обычную критику, к которой и относятся как к таковой, а как агрессию и вызов на дуэль? В самом деле, в начале «Структурного и исторического изучения волшебной сказки» он активно пользуется дуэльной лексикой:

Прав он или нет, об этом пусть судят читатели. Но когда на человека *нападают*, ему свойственно *защищаться*. Против аргументов противника, если они представляются ложными, можно выдвинуть контраргументы, которые могут оказаться более правильными. Такая полемика может иметь общенаучный интерес. Поэтому я с благодарностью согласился на любезное предложение издательства Эйнауди написать на эту статью ответ. Проф. Леви-Стросс *бросил мне перчатку, и я ее подымаю*. Читатели «Морфологии» станут, таким образом, свидетелями *поединка* и смогут встать на сторону того, кого они сочтут *победителем*, если таковой вообще окажется (курсив наш. – М. Г.) [Пропп 1976, с. 133].

Семантика поединка отодвигает на задний план семантику научной полемики, о которой тоже идет речь в процитированном отрывке. Кстати, военную (или близкую к ней) лексику использует и А. Дандес в своей статье о полемике Проппа и Леви-Стросса, говоря о том, что последний в своих «Мифологиках» сам исследует скорее сказки, чем мифы: “It seems to me that Lévi-Strauss is hoist with his own petard!” («Мне кажется, что Леви-Стросс взорван своей же миной»¹) (перевод мой. – М. Г.) [Dundes 1997, p. 46].

¹ Дандес цитирует Шекспира, «Гамлет», акт 3, сцена 4: «В том и забава, чтобы землекопа / Взорвать его же миной» (перевод М. Лозинского).

Полемика Леви-Стросса и Проппа задала вектор развития российской и зарубежной нарратологии, о чем пишет, в частности, Э.Э. Уорнер: «На основе замечаний автора рецензии (т. е. Леви-Стросса. – М.Г.) и ответа на них Проппа в статье «Структурное и историческое изучение волшебной сказки» практически произошло разделение методики структурного анализа нарратива, в частности фольклорного, на два направления: пропповское и леви-строссовское» [Уорнер 2005, с. 19].

К этому тезису Уорнер мы вернемся позже. Представляется, что это разделение на два направления не было чересчур строгим и бесповоротным. Так, например, многих французских структуралистов можно назвать одновременно последователями Проппа и Леви-Стросса. Об этом, в частности, пишет Клод Бремон [Бремон 2000].

Дуэльный пафос Проппа не может не удивить читателей «Структуры и формы», ведь перед тем как перейти от изложения основных положений книги Проппа к дискуссионной части, Леви-Стросс пишет: «Что прежде всего поражает в работе Проппа, так это глубокое предвосхищение позднейших исследований в той же области [Леви-Стросс 2000, с. 132], а также: «Если все же в ходе предстоящего обсуждения работы Проппа мы вынуждены будем сделать некоторые оговорки и выдвинуть ряд возражений, то они ни в коей мере не могут ни приуменьшить громадную заслугу Проппа, ни поставить под сомнение его приоритет на сделанные им открытия» [Леви-Стросс 2000, с. 133].

Леви-Стросс говорит о прозрениях в книге Проппа, «глубина и пророческий характер которых вызывают восхищение и безграничную признательность по отношению к Проппу со стороны всех, кто оказался его продолжателем, сам того не ведая» [Леви-Стросс 2000, с. 133]. После похвал Леви-Стросс подвергает книгу Проппа жесткой критике, прежде всего с точки зрения методологии, противопоставляя «формалистский» подход Проппа структурализму. Между тем можно согласиться с А. Либерманом, который называет противоречие между структурализмом и формализмом вымышленным или надуманным: “Unfortunately, Levi-Strauss reduced the entire difficulty to the *imaginary* opposition between formalism and structuralism, and Propp did not even notice Levi-Strauss’s remark” («К сожалению, Леви-Стросс свел всю сложность к *воображаемой* оппозиции между формализмом и структурализмом, и Пропп даже не заметил замечания Леви-Стросса (курсив и перевод мой. – М. Г.)») [Liberman 1984, p. xxxii].

Тем не менее что-то в статье Леви-Стросса задело Проппа за живое и заставило воспринять полемическое выступление как воинственный выпад и занять оборонительно-наступательную

позицию. На наш взгляд, у столь негативной реакции Проппа на статью Леви-Стросса три причины: лингвистическая, идеологическая и культурная. Начнем с лингвистической.

Пожалуй, самую ожесточенную отповедь Леви-Строссу встречаем в следующем отрывке:

Если, таким образом, он пишет про меня, что я разрываюсь между «формалистическим призраком» (*vision formaliste*) и «кошмарной необходимостью исторических объяснений» (*l'obsession des explications historiques* – с. 20), то это просто неверно [Пропп 1976, с. 138].

А также:

Уже выше я приводил слова проф. Леви-Стросса о том, что мои выводы о структуре волшебной сказки представляют собой фантом, формалистическое привидение – *une vision formaliste*. Это – не случайно оброненное слово, а глубочайшее убеждение автора. Он считает, что я – жертва субъективных иллюзий (с. 21). Из многих сказок я конструирую одну, которая никогда не существовала [Пропп 1976, с. 140].

Однако Леви-Стросс не пишет ни о призраках, ни о привидениях [Guister 2009]. Словосочетание *vision formaliste* переводится с французского не как «формалистическое видение» (так понял его Пропп), а как «формалистическое *в*идение» (хотя само слово *vision* вне контекста может переводиться и как «видение», и как «*в*идение», а заодно и как «зрение», и как «воззрение»). Вот как цитируемый Проппом отрывок из статьи Леви-Стросса выглядит в очень точном переводе Г.К. Косикова:

Итак, Пропп предстает как человек, разрывающийся между формалистическим *в*идением, когда речь идет о сказке, и навязчивой потребностью исторических объяснений. В известной мере можно понять испытанное им чувство раскаяния, побудившее его отказаться от формализма и вернуться к исторической точке зрения [Леви-Стросс 2000, с. 137].

И далее:

Пропп, таким образом, оказался жертвой субъективной иллюзии. Переживаемое им противоречие вовсе не является противоречием между требованиями синхронического и требованиями диахронического подхода, как он сам полагает: *ему недостает не прошлого, а контекста* [Леви-Стросс 2000, с. 137].

Как мы видим, Леви-Стросс пишет не о «кошмарной необходимости» исторических объяснений; семантика навязчивости в его фразе действительно есть, но нет «кошмара».

А вот еще одно лингвистическое недоразумение. Пропп пишет:

Но для проф. Леви-Стросса сюжет интересом не обладает. Слово «сюжет» он переводит на французский язык через «*thème*» (с. 5) [Пропп 1976, с. 145].

Далее Пропп хвалит английский перевод этого термина (*plot*). Между тем, во французском языке имеется слово “*sujet*”, которое может обозначать в том числе и основную тему произведения, но которое так многозначно, что французские структуралисты предпочитают не употреблять его в том значении, в котором употребляли его русские формалисты. Неслучайно и термин «сюжетный тип», применительно к указателям сказочных сюжетов, во французской науке называется «сказочный тип» (*conte-type*). Во французских переводах трудов русских формалистов и в исследованиях, посвященных этим трудам, термин «сюжет» переводится как “*construction*”, “*thème*”, “*forme*” или “*matériau*”. Первые два термина одинаково близко (хотя и одинаково неполно) передают суть формалистского термина «сюжет». Сам Пропп, стремящийся от формализма отмежеваться, использует этот термин именно в духе формальной школы.

Самые невинные формулировки Леви-Стросса кажутся Проппу оскорбительными из-за неточного понимания французского текста: виной, очевидно, пассивное владение французским языком при отсутствии языковой практики.

Но дело не в одних формулировках. Слово «формализм» Пропп воспринимает как оскорбление даже без «призраков» и «привидений». Здесь мы видим несоответствие картин мира у Проппа и Леви-Стросса. Для последнего формализм – одна из научных школ, с которой структуралисты полемизируют, признавая при этом собственную преемственность. Пропп находится в совсем иной ситуации. Он в постоянной опасности, в 1929 г. раскулачены его родители, в 1930 г. сам он арестован и проведет в тюрьме около года. Он свидетель дискуссии о формализме (1936), в ходе которой его самого подвергли резкой критике за «формалистические принципы», и действующее лицо дискуссии 1948 г. о А.Н. Веселовском, в которой А. Дементьев ожесточенно критиковал «Исторические корни волшебной сказки», и Проппу пришлось виниться в космополитизме, см. подробнее: [Liberman 1984, p. xiii–xv]. Проппа снова обвинили в «формалистических позициях». О том, как идеологическая критика обрушилась в 1948 г. на «Истори-

ческие корни», можно судить по статьям в журнале «Советская этнография» и в «Литературной газете»². Для Проппа «формалист» – опасный ярлык идеологического противника. Увидев его в статье Леви-Стросса, Пропп, очевидно, предположил, что начинается новый виток идеологической травли. Вспомним, что в то же самое время, когда Проппу становится известна рецензия Леви-Стросса, он ведет не менее ожесточенную полемику с академиком Б.А. Рыбаковым. Статья Проппа «Об историзме русского эпоса (ответ академику Б.А. Рыбакову)» [Пропп 1962] не менее воинственна, чем отповедь Леви-Строссу.

Обвинение в формализме тяжело и для Проппа граничит с политическим доносом. Здесь хочется вспомнить случай, который произошел за шесть лет до полемики Проппа с Леви-Строссом – историю о том, как Георгий Шенгели чуть было буквально не вызвал на дуэль своего оппонента И.А. Кашкина. В критической статье «Традиция и эпигонство» Кашкин называет перевод байроновского «Дон Жуана» формальным, идеалистическим и буквалистским. Последний эпитет относится к разгоревшейся в 50-е гг. полемике Кашкина и «кашкинистов» с «буквалистами» Евгением Ланном и Георгием Шенгели, первые два в момент полемики еще воспринимаются как политический донос. В книге «Поверженные буквалисты» Андрей Азов приводит рассказанное В.Г. Перельму-тером воспоминание С.В. Шервинского:

Сергей Васильевич Шервинский рассказывал мне, как однажды ему позвонил очень взволнованный Шенгели и попросил разрешения срочно приехать. Явился запыхавшийся и сразу к делу: он оскорблен статьей и решил вызвать Кашкина на дуэль. Шервинский осторожно поинтересовался – почему с этим Георгий Аркадьевич пришел именно к нему. И услышал в ответ: «Ну, как же! Ведь вы – дворянин. И должны знать – как это сделать». И так твердо это прозвучало, что Шервинский не усомнился – всерьез. Что, конечно, куда опаснее для Шенгели, чем кашкинская статья-донос. И заговорил рассудительно. По-дворянски. Дуэль с доносчиком, сказал он, для дворянина невозможна. Она – бесчестье, признание равенства с противником. И добавил: «С дворянами не стреляются» [Азов 2013, с. 145–146].

Леви-Стросс не доносчик и не дворянин, и вот Пропп вступает с ним в словесную дуэль, впрочем, в одностороннем порядке. Симптоматично, что в том, что для Леви-Стросса представляет собой

² Бутусов В. «Специалисты» по низкопоклонству // Литературная газета. 1948. № 3 (2386). 10 янв. С. 3. См. также [Кузнецов, Дмитраков 1948; Соколова 1948; Чичеров 1948].

противоречие чисто методологическое, Пропп видит идеологическое обвинение и именно как таковое стремится его опровергнуть.

Разумеется, обвинение в формализме, выдвинутое Леви-Строссом, некорректно и по существу. Об этом подробно пишет Э.Э. Уорнер, например:

Было бы явным преувеличением сказать, что Пропп принадлежал к формалистической школе, хотя он и работал в тесном контакте с ее приверженцами. Пожалуй, правильнее будет предположить, что он просто был одним из многих молодых литературоведов, которые в 1920-е годы попали под влияние привлекательных своей новизной методов литературной критики, которые предлагала эта школа [Уорнер 2005, с. 21].

Заметим также, что, говоря о формализме Проппа, Леви-Стросс судит метод оппонента с высоты структурализма 50-х гг., а между тем не только в момент создания и первой публикации «Морфологии сказки» структурализма как такового еще не существовало, но даже и в 1958 г. Пропп, очевидно, незнаком с большей частью трудов структуралистов, которыми располагает Леви-Стросс. Виной тому неизбежная научная и культурная изоляция, в которой находится Пропп, равно как и большинство его советских коллег. Речь об этом еще пойдет ниже.

Еще один источник недоразумений между Проппом и Леви-Строссом заключается, на наш взгляд, в незнании ими обоими других трудов друг друга.

Леви-Стросс полностью отказывает Проппу в знании этнографического контекста: «Однако, не располагая этнографическим контекстом (который могло бы добыть только изучение исторических и доисторических данных), Пропп, едва успев сформулировать указанную задачу, тотчас же отказывается от нее или откладывает до лучших времен» [Леви-Стросс 2000, с. 145].

О недостатке этнографического контекста у Проппа Леви-Стросс будет писать далее, и с более веской аргументацией. Однако полностью отказывать Проппу в этнографическом знании по меньшей мере несправедливо, и несправедливость эта, очевидно, происходит от незнания Леви-Строссом «Исторических корней волшебной сказки».

Представление Проппа о научной ориентации оппонента еще более ложно. Он пишет:

Проф. Леви-Стросс имеет предо мной одно весьма существенное преимущество: он философ. Я же эмпирик, притом эмпирик неподкупный, который прежде всего пристально всматривается в факты

и изучает их скрупулезно и методически, проверяя свои предпосылки и оглядываясь на каждый шаг рассуждений [Пропп 1976, с. 133].

Пропп не знает ни о том, что с философией Леви-Стросса разорвал еще в середине 30-х гг., ни об этнографической деятельности автора «Элементарных структур родства» и «Печальных тропиков».

Пассажи в статье Леви-Стросса о методе и выборе материала вызывают явное раздражение Проппа. Леви-Стросс пишет:

Теперь, учитывая все сказанное, можно задаться вопросом о причинах, побудивших Проппа избрать именно народные сказки (или известную их разновидность) для проверки своего метода. <...>

Пропп прав. Не существует сколько-нибудь серьезных оснований для изоляции сказки от мифа несмотря на то, что субъективно очень многие общества ощущают разницу между этими двумя жанрами; несмотря на то что объективно разница эта закрепляется благодаря особым выражениям; наконец, несмотря даже на то, что ряд предписаний и запретов накладывается порою именно на мифы, а не на сказки (таково, например, требование рассказывать мифы только в определенное время суток или года, между тем как сказки, по причине их «мирского» характера, можно рассказывать когда угодно) [Леви-Стросс 2000, с. 133–134].

Леви-Стросс не просто критикует выбор Проппа, но высказывает ряд тонких соображений о соотношении мифа и сказки. Пропп отвечает на это отповедью, какую можно было бы обратиться в адрес человека, очень далекого от науки и методологии:

Эти рассуждения проф. Леви-Стросса показывают, что он представляет себе дело так, будто у ученого сперва возникает метод, а потом уже он начинает размышлять, к чему бы этот метод приложить; в данном случае ученый почему-то применяет свой метод к сказкам, что не очень интересует философа. Но так в науке никогда не бывает, так не было и со мной [Пропп 1976, с. 135].

Соображения Леви-Стросса намного глубже, чем кажется Проппу. Вероятно, его мог задеть рекомендательный, почти наставительный характер нескольких отрывков статьи Леви-Стросса, например:

Все это значит, что народная сказка поддается структурному анализу не до конца. Несомненно, что в известной мере это так и есть – хотя мера эта и не так велика, как полагает Пропп, а причины не

совсем те, которые он имеет в виду. Мы еще вернемся к этому вопросу; но прежде необходимо понять, почему при подобном положении дел Пропп все-таки избрал именно сказку для проверки своего метода. Не лучше ли было ему обратиться к мифу, коль скоро он сам неоднократно признает его привилегированный характер? [Леви-Стросс 2000, с. 135].

Леви-Стросс обращается как будто к молодому ученому, каким и был Пропп в 1928 г., в момент публикации «Морфологии сказки», но каковым в 1958 г. он давно не является.

При этом Леви-Стросс уделяет много внимания соотношению сказки и мифа. Он пишет с позиции мифолога и этнолога, имевшего возможность изучить мифы в виде живой традиции, «в поле»:

[Этнологу] хорошо известно, что в современности мифы и сказки существуют бок о бок: один жанр не может, таким образом, считаться пережитком другого, если только не предполагается, что сказки хранят память о тех древних мифах, которые сами по себе вышли из употребления. Однако, помимо того, что подобное предположение по большей части является недоказуемым (ибо мы ничего или почти ничего не знаем о древних верованиях изучаемых нами народов и как раз по этой причине называем их «примитивными»), повседневные этнографические наблюдения подталкивают к мысли о том, что, напротив, миф и сказка эксплуатируют общую субстанцию, хотя и делают это по-разному. Миф не относится к сказке как предок к потомку или как исходная форма к форме производной. Вернее сказать, что их связывает отношение дополнительности. Сказки – это мифы в миниатюре, где те же самые оппозиции переведены в более мелкий масштаб, и именно это в первую очередь затрудняет их изучение [Леви-Стросс 2000, с. 136].

Пропп не знает о полевом опыте Леви-Стросса и дает дефиниции сказки и мифа в формулировке, известной школьнику, но недостаточной для понимания этих жанров в живой традиции:

В большинстве языков слово «сказка» есть синоним слова «ложь», «враки». «Сказка вся, больше врать нельзя» — так русский сказочник кончает свой рассказ. Миф же есть рассказ сакрального порядка [Пропп 1976, с. 149].

Возникает сомнение в том, что Пропп внимательно прочитал статью Леви-Стросса. Кажется, виной этому раздражение, вызванное у Проппа статьей оппонента. О некоторых причинах такого

раздражения (казус «призрака формализма»; покровительственный тон Леви-Стросса) мы уже говорили выше. Но кажется, что здесь важен и следующий фактор: Пропп воспринимает статью оппонента не как часть научной полемики, а как агрессию. Он видит ситуацию не с позиции европейской научной традиции 50-х гг., а с позиции дискуссии о формализме и других «дискуссий» и «чисток» сталинского времени, отсюда дуэльный настрой и терминология.

До сих пор речь у нас шла главным образом о некорректном понимании Проппом Леви-Стросса, но, разумеется, это непонимание имело двусторонний характер. О том, как и почему Леви-Стросс не мог корректно понять книгу Проппа, подробно пишет Э.Э. Уорнер [Уорнер 2005, с. 25, 31–35]. Далее Уорнер пишет о некорректном понимании книги Проппа другими западными исследователями, которое он совершенно справедливо связывает с неточностями (прежде всего терминологическими, но не только) в английском переводе Х. Ясон и Д. Сегала [Уорнер 2005, с. 35–42]. Леви-Стросс читал Проппа в английском переводе, где многие ключевые положения «Морфологии сказки» просто теряют смысл.

Наконец, следует упомянуть заключительную примирительную реплику Леви-Стросса в полемике с Проппом в итальянском издании «Морфологии сказки», в котором вышла и «Структура и форма», и ответ на нее Проппа. В ответ на «Структурное и историческое изучение волшебной сказки» Леви-Стросс в свою очередь называет свою статью данью уважения по отношению к выдающемуся открытию, «на четверть века опередившему попытки других исследователей», к числу которых он относит и себя [Propp 1966, p. 164].

Статья В.Я. Проппа «Структурное и историческое изучение волшебной сказки» в значительной степени оказывается примером коммуникативной неудачи. У истока ее стоит «обвинение» в формализме, выдвинутое Леви-Строссом Проппу и воспринятое последним как вызов и выпад. Раздражение при виде опасного слова «формализм» задает тон статье Проппа и порождает «призраки» и «привидения». Для всего этого в конце 50-х гг. имеется благодатная почва: ситуация культурной и профессиональной изоляции от западных коллег, в которой живет советский филолог, а также живая память о травле 1948 г. и опасения ее нового витка (в условиях одновременной полемики с Б. Рыбаковым). Для Леви-Стросса Пропп остается автором одной книги – «Морфологии сказки». Леви-Стросс для Проппа только автор обидной критики; о его научных трудах и воззрениях Проппу, очевидно, ничего не известно или известно очень мало.

Так или иначе, взаимное непонимание Проппа и Леви-Стросса не стало фатальным для изучения фольклорного и литературного нарратива и, шире, для структурализма вообще. Напротив, публикации «Структуры и формы» Леви-Стросса (1958) и французского перевода «Морфологии сказки» (1965), а также начало издания структуралистского журнала *Communications* (1961), где большое внимание будет уделяться изучению структуры повествовательного текста (особенно в № 4 1964 г. и № 8 1966 г. с упомянутыми выше статьями Клода Бремона), хронологически идут бок о бок. Это не противоречит процитированному выше тезису Э.Э. Уорнер о разделении нарратологии на «пропповское» и «леви-строссовское» направления, поскольку представляется, что именно из попыток синтеза методов Проппа и Леви-Стросса родилось целое направление в изучении структуры сказочного и мифологического нарратива, по крайней мере, во французском структурализме.

Литература

- Азов 2013 – Азов А.А. Поверженные буквалисты. М.: Издат. дом ВШЭ, 2013. 304 с.
- Бремон 2000 – Бремон К. Структурное изучение повествовательных текстов после В. Проппа // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 239–246.
- Греймас 2000 – Греймас А.-Ж. Размышления об актантных моделях // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 153–170.
- Кузнецов, Дмитраков 1948 – Кузнецов М., Дмитраков И. Против буржуазных традиций в фольклористике (О книге проф. В.Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки») // Советская этнография. 1948. № 2. С. 230–239.
- Леви-Стросс 2000 – Леви-Стросс К. Структура и форма: Размышления об одной работе Владимира Проппа // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 121–152.
- Пропп 1962 – Пропп В. Об историзме русского эпоса (ответ академику Б.А. Рыбакову) // Русская литература. 1962. № 2. С. 87–91.
- Пропп 1976 – Пропп В.Я. Структурное и историческое изучение волшебной сказки // Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. С. 132–152.

- Соколова 1948 – *Соколова В.К.* Дискуссии по вопросам фольклористики на заседаниях сектора фольклора Института этнографии // Советская этнография. 1948. № 3. С. 139–146.
- Структура 2001 – Структура волшебной сказки. М.: РГГУ, 2001. 234 с. (Традиция – текст – фольклор: типология и семиотика / Отв. ред. серии С.Ю. Неклюдов)
- Уорнер 2005 – *Уорнер Э.Э.* Владимир Яковлевич Пропп и русская фольклористика. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 144 с.
- Чичеров 1948 – *Чичеров В.* Обсуждение на заседаниях ученого совета Института этнографии основных недостатков и задач работы советских фольклористов // Советская этнография. 1948. № 3. С. 146–163.
- Bremond 1964 – *Bremond C.* Le message narratif // Communications. 1964. No. 4. P. 4–32.
- Bremond 1966 – *Bremond C.* La logique des possibles narratifs // Communications. 1966. No. 8. P. 60–76.
- Guister 2009 – *Guister M.* Les études sur le conte merveilleux en Russie: Tradition orale et conte littéraire (xix^e – xxi^e siècle) // Féeries. 2009. No. 6. P. 225–240.
- Dundes 1964 – *Dundes A.* The Morphology of North American Indian Folktales. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1964. 134 p.
- Dundes 1997 – *Dundes A.* Binary Opposition in Myth: The Propp/Lévi-Strauss Debate in Retrospect // Western Folklore. 1997. Vol. 56. No. 1. P. 3–50.
- Lévi-Strauss 1960 – *Lévi-Strauss C.* La structure et la forme. Réflexions sur un ouvrage de Vladimir Propp // Cahiers de l'institut de sciences économiques appliquées. 1960. No. 9. P. 3–36.
- Liberman 1984 – *Liberman A.* Vladimir Jakovlevič Propp // Propp V. Theory and history of folklore. Theory and history of literature, vol. 5. Minneapolis: University of Minnesota press, 1984. P. ix–lxxx.
- Propp 1966 – *Propp V.* Morfologia della fiaba. Con un intervento di Claude Lévi-Strauss e una replica dell'autore. A cura di Gian Luigi Bravo. Torino: Giulio Einaudi Editore, 1966. 230 p.
- Shishkoff 1976 – *Shishkoff S.* The structure of fairytales: Propp vs Lévi-Stross // Dispositio. 1976 (Año 1). № 3. P. 271–276.

References

- Azov, A.A. (2013), *Poverzhennyye bukvalisty* [Defeated literalists], HSE, Moscow, Russia.
- Bremond, C. (1964), “Le message narratif”, *Communications*, vol. 4, pp. 4–32.
- Bremond, C. (1966), “La logique des possibles narratifs”, *Communications*, vol. 8, pp. 60–76.

- Bremond, C. (2000), "Structural study of narrative texts after V. Propp", in Kosikov, G.K. (ed.), *Frantsuzskaya semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French semiotics. From structuralism to poststructuralism], Progress, Moscow, Russia, pp. 239–246.
- Chicherov, V. (1948), "Discussion of the main shortfalls and tasks in the work of Soviet folklorists at the meetings of the academic board of the Institute of Ethnography", *Soviet Ethnography*, vol. 3, pp. 146–163.
- Greimas, A.-Zh. (2000), "Reflections on Actant Models", in Kosikov, G.K. (ed.), *Frantsuzskaya semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French semiotics. From structuralism to poststructuralism], Progress, Moscow, Russia, pp. 153–170.
- Guister, M. (2009), "Les études sur le conte merveilleux en Russie: Tradition orale et conte littéraire (XIX^e – XXI^e siècle)", *Féeries*, vol. 6, pp. 225–240.
- Dundes, A. (1964), *The Morphology of North American Indian Folktales*, Suomalainen Tiedeakatemia, Helsinki, Finland.
- Dundes, A. (1997), "Binary Opposition in Myth: The Propp/Lévi-Strauss Debate in Retrospect", *Western Folklore*, vol. 56, no. 1, pp. 3–50.
- Kuznetsov, M. and Dmitrakov, I. (1948), "Against bourgeois traditions in folklore studies (On the book by prof. V.Ya. Propp 'The historical roots of the fairy tale')", *Soviet Ethnography*, vol. 2, pp. 230–239.
- Lévi-Strauss, C. (1960), "La structure et la forme. Réflexions sur un ouvrage de Vladimir Propp", *Cahiers de l'institut de sciences économiques appliquées*, vol. 9, pp. 3–36.
- Lévi-Strauss, C. (2000), "Structure and form. Reflections on a work by Vladimir Propp", in Kosikov, G.K. (ed.), *Frantsuzskaya semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French semiotics. From structuralism to poststructuralism], Progress, Moscow, Russia, pp. 121–152.
- Liberman, A. (1984), "Vladimir Jakovlevič Propp", in Propp, V., *Theory and history of folklore. Theory and history of literature*, vol. 5, University of Minnesota press, Minneapolis, MN, pp. ix–lxxx.
- Neklyudov, S.Yu. (ed.) (2001), *Struktura volshebnoi skazki* [Structure of a fairy tale. Tradition – text – folklore. Typology and semiotics], RSUH, Moscow, Russia.
- Propp, V. (1962), "On the historicism of Russian epic (an answer to academician B.A. Rybakov)", *Russian Literature*, vol. 2, pp. 87–91.
- Propp, V. (1966), *Morfologie della fiaba. Con un intervento di Claude Lévi-Strauss e una replica dell'autore. A cura di Gian Luigi Bravo*, Giulio Einaudi Editore, Torino, Italy.
- Propp, V.Ya. (1976), "Structural and historical study of a fairy tale", in Propp, V.Ya., *Fol'klor i dejstvitel'nost'* [Folklore and reality], Nauka, Moscow, Russia, pp. 132–152.
- Shishkoff, S. (1976), "The structure of fairytales: Propp vs Lévi-Stross", *Dispositio*, vol. 3, pp. 271–276.

- Sokolova, V.K. (1948), "Discussions on folklore at meetings of the folklore sector of the Institute of Ethnography", *Soviet Ethnography*, vol. 3, pp. 139–146.
- Worner, E.E. (2005), Vladimir Yakovlevich Propp i russkaya fol'kloristika [Vladimir Yakovlevich Propp and Russian folklore studies], St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Марина А. Густер, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; *marina.guister@gmail.com*

Information about the author

Marina A. Guister, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; *marina.guister@gmail.com*